

УДК 81.1

UDC 81.1

10.00.00 Филологические науки

Philology

РИТОРИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПУБЛИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЛОГИЧЕСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ АРГУМЕНТАЦИИ

RHETORICAL SPEECH PORTRAIT OF PUBLIC LANGUAGE IDENTITY: EFFECTIVENESS OF LOGICAL AND PSYCHOLOGICAL SIDES OF ARGUMENTATION

Волкова Татьяна Федоровна
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного
РИНЦ SPIN-код 3855, AuthorID 290160
tatyana-volkova@bk.ru

Volkova Tatiana Fedorovna
Candidate of Philological Sciences
associate professor at Chair of Russian as a Foreign language
RSCI SPIN-code: 3855, AuthorID 290160
tatyana-volkova@bk.ru

Демидова Татьяна Александровна
к.филол.н., доцент кафедры русского языка как иностранного
РИНЦ SPIN-код: 6006-9899
demidtanya@yandex.ru

Demidova Tatiana Alexandrovna
Candidate of Philological Sciences, associate professor at Chair of Russian as a Foreign language
RSCI SPIN-code: 6006-9899
demidtanya@yandex.ru

Гриценко Любовь Михайловна
к.филол.н., доцент кафедры русского языка как иностранного
РИНЦ SPIN-код: 1127-3688
grluba@rambler.ru
Томский политехнический университет, Томск, Россия

Gritsenko Lubov Michaylovna
Candidate of Philological Sciences
associate professor at Chair of Russian as a Foreign language
RSCI SPIN-code: 1127-3688
grluba@rambler.ru
Tomsk polytechnic university, Tomsk, Russia

В статье проанализирована специфика логической и психологической стороны аргументации как средства убеждающего воздействия в речи публичной языковой личности. Актуальность исследования определяется важностью проблем изучения языка конкретных языковых личностей. Новизна заключается в аспекте постановки проблемы изучения различных типов публичных языковых личностей и в привлечении ранее неисследованного материала. Объектом изучения является риторический речевой портрет публичной языковой личности (прокурора). Предмет – особенности логических и психологических аргументов как способов убеждающего воздействия. Метод – научное описание с элементами речевого портретирования, наблюдение. В целом речь прокурора соответствует риторическим канонам, имея стандартную логическую композицию: вступление, анализ и оценка собранных по делу доказательств, характеристика личности, заключение. В ходе анализа отмечены различные виды логических и риторических (психологических) аргументов. Обнаружено, что текст насыщен эмоциональными оценками, метафорами. Общая стратегия заключается в преобладании психологической стороны

The article analyzes the particular characteristics of the logical and psychological sides of argumentation as a means of a persuasive effect in the speech of a public linguistic identity. The relevance of the research is defined by the importance of problems of studying the language of the given linguistic identities. The novelty is in the aspect of setting the problem of studying various types of public linguistic identities and in involving previously unresearched material. The object of study is a rhetorical speech portrait of a public language identity (prosecutor). The subject is particularities of logical and psychological lines of reasoning as ways of persuasive effect. The method used is scientific description with elements of speech portraying, observation. As a whole, the speech of the prosecutor corresponds to the rhetorical canons, having a standard logical composition: introduction, analysis and evaluation of the evidence gathered in the case, personality characteristics, conclusion. Various types of logical and rhetorical (psychological) lines of reasoning were distinguished in the course of the analysis. It is found that the text is rich in affective evaluation and metaphors. The general strategy is the prevalence of the psychological side of persuasive speech over the logical. The public language identity chosen strategy turned out to be successful, i.e. it made the speech expressive, original, assisting the

убеждающей речи над логической. Выбранная публичной языковой личностью стратегия оказалась эффективной, т.е. сделавшей речь выразительной, самобытной, посодействовав формированию убеждения судьи в плане вынесения обвинительного приговора

formation of the judge's opinion in terms of conviction

Ключевые слова: СУДЕБНАЯ РИТОРИКА, АРГУМЕНТАЦИЯ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ПУБЛИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Keywords: JUDICIAL RHETORIC, EFFECTIVENESS, ARGUMENTATION, PUBLIC LINGUISTIC IDENTITY

Doi: 10.21515/1990-4665-132-048

Актуальность исследования обусловлена значимостью проблем, связанных с изучением языка конкретных языковых личностей в рамках лингвоперсонологии. Язык судебной риторики как часть общей риторической теории и практики, способы эффективной коммуникации целесообразно изучать на конкретном примере, в частности, речи публичной языковой личности. Одним из эффективных средств воздействия и убеждения, наглядно демонстрирующим черты риторического речевого портрета говорящего, является аргументация.

Новизна заключается в постановке проблемы изучения различных типов языковых личностей и в привлечении ранее неисследованного материала. Научная значимость связана с тем, что работа вносит вклад в изучение языка конкретных личностей.

Объектом изучения является риторический речевой портрет публичной языковой личности (прокурора). Предмет – особенности логических и психологических аргументов как способов убеждающего воздействия. Метод – научное описание с элементами речевого портретирования, наблюдение. Описание аргументов производилось с опорой на риторический анализ по методике Т.В. Анисимовой, Е.Г. Гимпельсон [1. С. 58-154]. М.В. Гаврилова также упоминает о возможности составления риторического портрета, говорящего в коммуникативно-риторическом аспекте. В этом случае объектом изучения, по мнению автора, становятся

средства убеждения, обмана и манипулирования, система аргументации, приемы «целесообразной убеждающей речи» [2. С. 23-24].

Материал. Объем высказывания составляет около 11 тысяч единиц: речь в прениях прокурора – 8500 словоупотреблений, реплика в прениях – 2500 словоупотреблений. Исследована как устная, так и письменная формы речи. При этом автор знакомился со всеми материалами уголовного дела и являлся слушателем открытого процесса (5 томов, 1200 страниц).

Анализируемая публичная языковая личность – прокурор, женщина, 38 лет. «Публичной языковой личностью следует считать личность, которая имеет регулярный опыт публичных выступлений и сложившийся речевой имидж, способствующий созданию известности, популярности человека или идеи» [3]. Можно указать, что понятия «риторический речевой портрет» и «речевой имидж» пересекаются, однако последнее шире [4, 5]. У одного из авторов статьи имеется опыт изучения публичных языковых личностей [6, 7, 8, 9]. Что касается квалификации средств речевого воздействия как эффективных, то мнения ученых во многом схожи. Приемы убеждающего воздействия описаны, например, В. Сергеевой [10], О.С. Иссерс [11]. Судебная риторика как отдельная область знания тоже включает определенный набор инструментов, которые влияют на качество текста. «Судебное ораторское искусство связано с требованием логичности, убедительности. Доказательность – важнейшая черта рассуждений в судоговорении. Все положения в речи должны быть обоснованы, аргументированы» [12]. Автор называет такие качества воздействующей речи, как ясность, точность, логичность, уместность, чистота, правильность, лаконичность, выразительность, самобытность, богатство. «Только при этом условии она может выполнить свою высокую общественную функцию» [12]. Основные особенности судебной речи проанализированы Н.В. Отургашевой. Акцент сделан на необходимости логичности структуры судебной речи и эффективности взаимодействия

функциональных стилей при составлении публичной речи [13]. «Мастерство публичного выступления определяется ясно сформулированной идеей, убедительной аргументацией, соразмерным сочетанием рациональных и эмоциональных элементов, хорошим контактом с аудиторией и, конечно же, живой и образной речью» [14]. Авторы статьи «Аргументация в судебной риторике» указывают, что при доказывании применяются логические и семантические схемы. Важным тактическим приемом считают риторические вопросы, правильное расположение аргументов, прием сопоставления [15]. Однако, при всей стандартности выделяемых приемов, исследователи языка судебных прений уверены, что «в судебном доказывании нет четкой грани между вероятностью и достоверностью, а достоверность может быть представлена как очень высокая степень вероятности. Оценка степени вероятности/достоверности доказательств – дело весьма сложное, проблематичное. Никакой универсальной методики, алгоритма выполнения этой процедуры, пригодного для всех случаев доказывания, не существует, и вряд ли они когда-нибудь будут созданы. Поэтому важнейшим фактором, влияющим на юридический исход дела, становится убеждение» [16]. Тем большее значение приобретает изучение идиолекта публичной языковой личности.

Данная обвинительная речь имеет стандартную логическую композицию: вступление, анализ и оценка собранных по делу доказательств, характеристика личности, заключение. С точки зрения соответствия жанру обвинительная речь имеет и другие обязательные части [2]. Но они в данном исследовании остались за пределами анализа, т.к. имеют формализованное языковое наполнение.

Проанализируем логическую сторону убеждающей речи, которой является обвинительная речь в прениях. Виды аргументов очень подробно описаны, например, исчерпывающая информация содержится в пособии

Т.В. Анисимовой, Е.Г. Гимпельсон, где к логическим аргументам отнесены факты, статистика, ссылки на законы, документы [1]. Поэтому перейдем непосредственно к анализу. В целом речь прокурора соответствует риторическим канонам. Отмечены все виды логических и риторических (психологических) аргументов. Приведем примеры использования логических аргументов. 1. **Факты и статистика.** *«Он подтвердил, что во время, указанное в обвинительном заключении (то есть с 19 до 22 часов 09.08. 2015), находясь вдвоем с А. в одной из комнат квартиры по адресу ..., где между ними произошла ссора...».* Здесь же: *«Он не отрицал существование между ним и потерпевшим натянутых отношений»* [17]. Происходит поспешное обобщение и «стирание» границ понятий «ссора» и «существование натянутых отношений». Ситуативная ссора не равна наличию постоянных плохих отношений, активно отрицалась другой стороной и не была доказана в ходе процесса. Такая ситуация искажения фактической информации, связанной с характеристиками личностей и ситуации наблюдается во всем тексте и будет проиллюстрирована анализом психологической стороны аргументации. В целом прокурор излагал все имеющиеся факты и предположения достаточно обстоятельно и подробно, повторяя важные мысли неоднократно. 2. **Определения.** *«Любое преступление как социальное явление имеет предпосылки, под которыми понимаются причины и условия, в конечном итоге приведшие к трагедии»* [17]. Определение начинается стандартно, логично, но конец включает экспрессивное слово «трагедия», переводящее аргумент в разряд психологических. 3. **Ссылки на законы и другие документы.** Они имеются, но мы не будем останавливаться на этом формализованном элементе обвинительной речи.

К риторическим аргументам обычно относят: психологические доводы, оценочные аргументы, образные определения, ссылки на авторитеты, иллюстративные аргументы [1].

1. **Психологические доводы.** Основаны на морально-этическом топосе. *«В самых общих чертах подсудимого можно охарактеризовать как порядочного человека. Потерпевший – прямая противоположность отцу. Перебивался случайными заработками и подачками от отца, ушел из дома и прожил в гараже товарища, злоупотреблял спиртным. Что удивительного в том, что развязное и демонстративное поведение отпрыска, мягко говоря, не устраивало подсудимого? В свою очередь, вечные упреки и недовольство отца сын воспринимал в штыки, старался лишней раз проявить свою независимость, нежелание подчиняться так любимым отцом «правилам», не отказываясь между тем от родительских денег, чем провоцировал очередной виток конфликта»* [17]. Автор речи объясняет, что аморальное и вызывающее поведение сына (морально-этический топос) спровоцировало отца на преступление. Причем такие характеристики, как *«вечные упреки и недовольство отца»*, *«любимые отцом «правила»* также допускают рассмотрение поведения другой стороны как аморальное.

2. **Образные определения.** *«Термин «неприязнь» является многогранным и включает в себя не только открытое противостояние, драки и скандалы; речь идет скорее об отсутствии взаимопонимания, взаимных упрехах, недовольстве»* [17]. Сравним с определением из словаря: **«НЕПРИЯЗНЬ**, –и, жен. Недоброжелательность, недружелюбие. *Испытывать н. к кому-н. Скрытая н.»* [18]. Как можно увидеть, определение не отличается точностью, не является «термином», при словарном толковании отсутствует многогранность и многозначность, поэтому отнесено к разряду образных.

3. **Ссылка на авторитеты.** *«Собственные заявления А. об употреблении наркотиков различным людям также вряд ли стоит принимать на веру (обычно люди данным фактом не бравируют, свою зависимость отрицают, как минимум не афишируют)»; «Версия сводится к тому, что ... в развитие версии самоподжога, по его*

*мнению»; «Согласитесь, такие мысли не характерны для человека, имеющего желание уйти из жизни»; «**Вопреки утверждению защитника, из показаний эксперта вовсе не следует, что в случае, если бы потерпевшего поджег подсудимый, поднеся источник открытого огня к телу погибшего на 2-5 см, то у него обязательно бы образовались бы телесные повреждения на руках**» [17].* Имеются стандартные ссылки на мнение адвоката, на заявления других участников процесса, обращение к компетентной аудитории. Для данной личности отмечена специфическая ссылка на мнение всех: *«обычно люди»*, что необъективно звучит и ухудшает качество речи.

4. **Оценка.** В речи присутствуют стандартные рациональные оценки. Однако к рациональным оценкам часто прибавляются экспрессивные элементы (*«наиболее, могут и должны, в целом, некая, практически невозможно, тщательное исследование»* и т.д.): *«Что касается достоверности показаний К., то наиболее близки к истине первоначальные показания, которые могут быть и должны быть положены в основу приговора в части, согласующейся с другими доказательствами и не противоречащей ей».* *«С учетом изложенного, данные показания В. об обнаружении на диване зажигалки, следует оценить критически».* *«В целом версии подсудимого о непричастности получили оценку в моей речи. Дополнительно отмечу некорректность ссылок адвоката на литературные источники при оценке доказательств (некую книгу «Суицидология»): компетентность авторов данного издания, содержание книги, научность изложенных в книге сведений проверить практически невозможно. Материалы дела в ходе проведения психолого-психиатрической экспертизы подвергались тщательному исследованию на предмет наличия в поведении и действиях потерпевшего признаков склонности к суициду, депрессии; при производстве экспертного исследования принимали участие врачи-психиатры, психолог, имеющие специальное образование и стаж работы по экспертным*

специальностям; использовались **общепринятые методик**. В связи с этим ссылки на литературные источники, не исследованные в судебном заседании, **не ставят под сомнение** выводы экспертов» [17]. В определенных частях текста преобладают эмоциональные оценки: **«На мой взгляд, действительным мотивом непоследовательной позиции послужило желание К. избежать справедливого наказания за содеянное. Именно поэтому, пытаясь выставить свою персону в наиболее выгодном свете, в каждом последующих показаниях он приводил все новые и новые доводы в оправдание тех или иных поступков, живописал свои самоотверженные действия по тушению пожара. Одновременно все более и более красочно рассказывал о неправильном распутном образе жизни сына, активно поливая грязью его самого и память о нем»**. «В обширной переписке в социальных сетях потерпевший также указывал на свои ощущения от употребления каких-то веществ, однако ни слова не говорил об их приобретении, в то время как для наркомана эти проблемы являются **наиболее насущными**». **«Столь важная деталь...»**. **«И вовсе узнала со слов сына...»** [17]. Как видно из примеров, данных выше, слово «помогал» заменено говорящим на «давал подачки», «ссора» переименована в «долговременный конфликт», встречаются лексемы с презрительным или ироническим значением: «поливал грязью», «живописал самоотверженные действия», «пытаясь выставить свою персону в выгодном свете». Оценка доказательств является обязательной частью судебной речи, но явное преобладание оценочных доводов над другими аргументами, эмоциональных оценок над рациональными представляет специфику исследуемого субъекта коммуникации. Известно, что «... оценочное высказывание гораздо ярче характеризует говорящего, чем объект оценки» [1. С. 138]. Поэтому для судебной речи рекомендуется быть более сдержанным в эмоциональных оценках и избегать манипулятивных приемов. 5. **Иллюстративные аргументы**. **«Любое**

*преступление как социальное явление имеет предпосылки, под которыми понимаются причины и условия, в конечном итоге приведшие к трагедии. Среди них выделяются общие причины; в этом смысле каждое конкретное **преступление можно сравнить с гнойником, нарывом**, в котором в концентрированном виде находят выражение **болезни общества**. С другой стороны, любому общественно опасному деянию предшествует череда событий, участниками которых являются преступник и жертва; в течение определенного времени формируются обстоятельства, которые через мотив и цель рождают решимость не просто преступить закон, но **перейти на ту сторону морали и нравственности**». «Проблема взаимоотношений **отцов и детей**, **противоборства и преемственности поколений**, имеет давнюю историю, широко освещенную классиками русской литературы. Применительно к настоящему делу именно конфликт между отцом и сыном, зародившийся **в недрах семейных отношений, зреющий** на протяжении многих лет и **подкрепленный** разницей характеров, взглядов и мировоззрений, непримиримостью и нежеланием идти на уступки, понять и принять самого близкого человека, ставшего по нелепому стечению обстоятельств злейшим врагом, завершился **роковой развязкой** – смертью А». «Так родился **замкнутый круг** взаимного непонимания, другими словами, **чаша терпения в конечном итоге была переполнена**, на протяжении длительного времени **гнев получил выход**. Мол, хотел умереть, получи!» [17]. Говорящий активно использует сравнение «преступление можно сравнить с гнойником, нарывом» и метафоры: «отцы и дети, болезни общества, перейти на ту сторону морали и нравственности, недра семейных отношений, конфликт зрел, подкрепленный ..., роковая развязка, замкнутый круг, чаша терпения в конечном итоге была переполнена, гнев получил выход». Метафора «гнойник» получила свое развитие: «в недрах появился, зрел, получил*

выход», при этом слова «гнев» и «гной» похожи по форме и звучанию. Говорящий старается создать целостный образ, который подкрепит логическую схему. Проанализируем на предмет наличия аргументов конкретный текст об умысле. «Сама ситуация, в ходе которой подсудимый облил сына горючей жидкостью и поджег его, свидетельствует о совершении данных действий в ответ на угрозы покончить с собой; потерпевший подначивал отца, заявлял о намерении свести счеты с жизнью, чтобы заставить близких страдать. Разозлившись на это, К. решил осуществить данные угрозы собственноручно.

При этом, прошу обратить внимание, что, потушив возгорание, К. не оказал помощь сыну, который мучился от боли, метался по комнате, стонал; не вызвал ему скорую помощь, он спрятался в подсобном помещении, где дожидался сотрудников полиции. Это лишний раз свидетельствует о том, что даже в такой критической ситуации он не смог преодолеть обиду, не испытал ни капли жалости к страданиям потерпевшего, беспокоясь лишь о своей участи» [17].

Факты, на которые опирается говорящий: *«плеснул в ответ на угрозу суицида, поджег, потерпевший подначивал, не вызвал скорую, потушил возгорание, потерпевший метался по комнате». Оценки: «подначивал, мучился от боли, метался по комнате, стонал; страдания, разозлившись; собственноручно осуществил угрозы, беспокоился лишь о своей участи». При этом потерпевший и подсудимый активно противопоставляются. Иллюстративные аргументы, включающие образный компонент: «свести счеты с жизнью, не испытал ни капли жалости». Объясняющий психологический довод, основанный на эмоциональном топосе: *объяснение умысла через наличие соответствующих эмоций у подсудимого, вызванных провокацией потерпевшего.* Таким образом, этот текст об умысле перенасыщен эмоциональными оценками, фактами,*

метафорами. Эта особенность характерна для всей речи данной публичной языковой личности. Общая стратегия: психологическая сторона убеждающей речи превалирует над логической.

В конкретном рассматриваемом случае выбранная оратором стратегия оказалась эффективной, т.е. сделавшей речь выразительной, самобытной, поспособствовав формированию убеждения судьи в плане вынесения обвинительного приговора.

В перспективе планируется исследование манипулятивных приемов (софизмов) в речи данной публичной языковой личности.

Литература

1. Анисимова Т.В. Современная деловая риторика. Учебное пособие / Т.В. Анисимова, Е.Г. Гимпельсон. – М.: Московский психилого-социальный институт; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. – 432 с.
2. Гаврилова М.В. Методы и методики исследования политической коммуникации: Учебное пособие для студентов вузов / М.В. Гаврилова. – Санкт-Петербург: Изд-во Невского института языка и культуры, 2008. – 92 с.
3. Волкова Т.Ф. Публичная языковая личность: к определению понятия / Т.Ф. Волкова // Социальная работа, реклама и связи с общественностью в новом коммуникативном пространстве: Материалы III всерос. ежегодной научно-практ. конф. – Томск, 2006. – С. 262–265.
4. Волкова Т.Ф. Теоретические и прикладные аспекты изучения публичной языковой личности / Т.Ф. Волкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – №1. – С. 60–63.
5. Volkova T.F. Research on the correlation of terms “speech portrat” and “speech image” / T.F. Volkova // Journal of International Scientific Publications: Language, Individual & Society [Электронный ресурс]. – 2010. Vol. 4. Pp. 182–186. – Режим доступа: <http://www.science-journals.eu>
6. Волкова Т.Ф. Жанровое своеобразие выступлений Б.А. Мальцева / Т.Ф. Волкова, О.В. Кухта // Социальная работа, реклама и связи с общественностью в новом коммуникативном пространстве: Материалы II всероссийской ежегодной научно-практической конференции. – Томск, 2005. – С. 188–200.
7. Волкова Т.Ф. К проблеме типологизации публичных языковых личностей / Т. Ф. Волкова // Молодой учёный. – 2008. – №1 – С. 101–104.
8. Волкова Т.Ф. Текстовая деятельность языковой личности иностранного студента как объект исследования / Т.Ф. Волкова // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 203–213.
9. Волкова Т.Ф. Элементы речевого имиджа ректора ТПУ П.С. Чубика / Т.Ф. Волкова, С. Ван, Т.Т. Нго // Вестник науки Сибири. – 2014. – №. 4(14). – С. 173–177.
10. Сергеечева В. Как говорить убедительно / В. Сергеечева. – СПб.: Питер, 2002. – 224 с.

11. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М: УРСС, 2002. – 284 с.
12. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/47866/ogl.shtml>
13. Отургашева Н.В. Судебная риторика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sapanet.ru/UMM_1/2474/index.htm
14. Федулова М.А. Судебная риторика как составная часть ораторского искусства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psibook.com/linguistics/sudebnaya-ritorika-kak-sostavnaya-chast-oratorskogo-iskusstva.html>
15. Землякова Н.В. Аргументация в судебной риторике / Н.В. Землякова, Н. Б. Гарбовская // Теория и практика общественного развития. – 2017. – №. 6. – С. 101 – 105.
16. Судебные прения: коммуникативный аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://intellect.m/sudebnye-preniya-kommunikativnyj-aspekt-3255>
17. Материалы уголовного дела №2/1-2017 по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного п. "д" ч. 2 ст. 105 УК РФ, том № 5, г. Томск, Томский областной суд.
18. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.com/words/18584.shtml>

References

1. Anisimova T.V. Sovremennaja delovaja ritorika. Uchebnoje posobije / T.V. Anisimova, E. G. Gimpel'son. – М.: Moskovskij psihologo-social'nyj institute; Voronezh: Izd-vo NPO «MODJEK», 2002. – 432 s.
2. Gavrilova M.V. Metody i metodiki issledovanija politicheskoj kommunikacii: Uchebnoje posobije dl'a studentov vuzov / M.V. Gavrilova. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Nevskogo instituta jazyka i kul'tury, 2008. – 92 s.
3. Volkova T.F. Publichnaja jazykovaja lichnost': k opredeleniju pon'atija / T.F. Volkova // Social'naja rabota, reklama i sv'azi s obshhestvennostju v novom kommunikativnom prostranstve: Materialy III vseros. Jezhegodnoj nauchno-prakt. konf. – Tomsk, 2006. – S. 262–265.
4. Volkova T.F. Teoreticheskiye i prikladnyje aspekty izuchenija publichnoj lazkykovej lichnosti / T.F. Volkova // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2008. – №1. – S. 60–63.
5. Volkova T.F. Research on the correlation of terms “speech portrait” and “speech image” / T.F. Volkova // Journal of International Scientific Publications: Language, Individual & Society [Elektronnyj resurs]. – 2010. Vol. 4. Pp. 182–186. – Rezhim dostupa: <http://www.science-journals.eu>
6. Volkova T.F. Zhanrovoje svojeobrazije vystuplenij B.A. Mal'ceva / T.F. Volkova, O.V. Kuhta // Social'naja rabota, reklama i sv'azi s obshhestvennostju v novom kommunikativnom prostranstve: Materialy II vseros. Jezhegodnoj nauchno-prakt. konf. – Tomsk, 200. – S 188–200.
7. Volkova T.F. K probleme tipologizacii publichnyh lazkykovyh lichnostej / T.F. Volkova // Molodoj uchonyj. – 2008. – №1 – S. 101–104.
8. Volkova T.F. Tekstovaja dejatel'nost' jazykovej lichnosti inostrannogo studenta kak ob#ekt issledovanija / T.F. Volkova // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2012. – № 3. – S. 203–213.
9. Volkova T.F. Jelementy rechevogo imidzha rektora TPU P.S. Chubika / T.F. Volkova, S. Van, T.T. Ngo // Vestnik nauki Sibiri. – 2014. – №. 4(14). – S. 173–177.

10. Sergeecheva V. Kak govorit' ubeditel'no / V. Sergeecheva. – SPb.: Piter, 2002. – 224 s.
11. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi / O.S. Issers. – M: URSS, 2002. – 284 s.
12. Ivakina N.N. Osnovy sudebnogo krasnorechija [Jelektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/47866/ogl.shtml>
13. Oturgasheva N.V. Sudebnaja ritorika [Jelektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.sapanet.ru/UMM_1/2474/index.htm
14. Fedulova M.A. Sudebnaja ritorika kak sostavnaja chast' oratorskogo iskusstva [Jelektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://psibook.com/linguistics/sudebnaya-ritorika-kak-sostavnaya-chast-oratorskogo-iskusstva.html>
15. Zemljakova N.V. Argumentacija v sudebnoj ritorike / N.V. Zemljakova, N.B. Garbovskaja // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. – 2017. – №. 6. – S. 101 – 105.
16. Sudebnyje preniya: kommunikativnyj aspekt [Jelektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://intellect.ml/sudebnye-preniya-kommunikativnyj-aspekt-3255>
17. Materialy ugovnogo dela №2/1-2017 po obvineniju K. v sovershenii prestuplenija, predusmotrennogo p. "d" ch. 2 st. 105 UK RF, tom № 5, g. Tomsk, Tomskij oblastnoj sud.
18. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Jelektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ozhegov.com/words/18584.shtml>